

К.О. Наумкина
© Наумкина К.О., 2026

ТРАДИЦИИ ГОГОЛЯ И ДОСТОЕВСКОГО В ТВОРЧЕСТВЕ ЭМИГРАНТСКОГО ПИСАТЕЛЯ В.Г. ФЁДОРОВА

Аннотация. В статье рассмотрены связи творчества В.Г. Фёдорова (1895–1989), писателя первой волны русской эмиграции, с произведениями Н.В. Гоголя и Ф.М. Достоевского. Показано, что «Вечера на хуторе близ Диканьки» повлияли на рассказ «Кузькина мать» и повесть «Прекрасная Эсмеральда»: стилевые переключки и цитаты выявляют контраст между прошедшим временем и настоящим. В образах героев нескольких произведений Фёдорова различимы черты гоголевского Башмачкина, рассказ «Грибная история» связан с «Шинелью» не только образом героя, но и сюжетной канвой, выбором лексики и структуры предложений. В рассказе «Русские праздники» писатель воспроизвел схему взаимоотношений героев романа Достоевского «Бедные люди». В статье прослеживается роль детали «сапоги» в рассказе «Роман с сапогами», устанавливаются мотивы опосредованной полемики героя с Макаром Девушкиным. Таким образом, В.Г. Фёдоров осознанно выстраивал связь с русской традицией. Унаследованные им мотивы обрели в его творчестве новые смыслы, обусловленные опытом первого поколения русской эмиграции.

Ключевые слова: литература русской эмиграции первой волны; Гоголь; Достоевский; литературная традиция.

Получено: 10.10.2025

Принято к печати: 20.11.2025

Информация об авторе: *Наумкина* Ксения Олеговна, аспирантка, Литературный институт им. А.М. Горького, Тверской бульвар, д. 25, 123104, Москва, Россия.

E-mail: dvoretskayko@mail.ru

Для цитирования: Наумкина К.О. Традиции Гоголя и Достоевского в творчестве эмигрантского писателя В.Г. Фёдорова // Литературоведческий журнал. 2026. № 1(71). С. 157–172.

DOI: 10.31249/litzhur/2026.71.10

Kseniya O. Naumkina

© Naumkina K.O., 2026

THE TRADITIONS OF GOGOL AND DOSTOEVSKY IN THE WORKS OF THE ÉMIGRÉ WRITER V.G. FEDOROV

Abstract. The article deals with the intertextual connections of the works of Vasilii G. Fedorov (1895–1989), a writer of the first wave of Russian emigration. It is shown that Gogol's *Evenings on a Farm near Dikanka* influenced the short story *Kuzkin's Mother* and the novella *Beautiful Esmerelda*. Stylistic references and quotations emphasize the contrast between past and present. Characters from several works by Fedorov have features similar to Bashmachkin. *Mushroom Story* echoes *The Overcoat* not only by its protagonist, but also by plot structure, lexical choices, and syntax. In *Russian Holidays*, Fedorov replicates the relationships between characters from the novel *Poor Folk* by F.M. Dostoevsky. In the story *Romance with Boots*, the protagonist engages in an indirect polemic with Makar Devushkin. Fedorov consciously constructs his connection to the Russian tradition, though his motifs and plots are transformed and filled with meanings shaped by the unique experience of the first generation of Russian emigration.

Keywords: literature of the first-wave Russian émigrés; Gogol; Dostoevsky; literary tradition.

Received: 10.10.2025

Accepted: 20.11.2025

Information about the author: *Kseniya O. Naumkina*, Graduate Student, Maxim Gorky Literature Institute, Tverskoy Boulevard, 25, 123104, Moscow, Russia.

E-mail: dvoretskayko@mail.ru

For citation: Naumkina, K.O. “The Traditions of Gogol and Dostoevsky in the Works of the Émigré Writer V.G. Fedorov”. *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 1(71), 2026, pp. 157–172. (In Russ.)

DOI: 10.31249/litzhur/2026.71.10

Писатель первой волны русской эмиграции Василий Георгиевич Фёдоров (1895–1989) большую часть жизни провел в Чехословакии. В 1922 г. он пересек чешскую границу и приехал в Прагу, в 1933 г. был вынужден переехать в Ужгород, затем в

Хуст, а в 1940 г. снова вернулся в чешскую столицу. В. Фёдоров был членом Союза русских писателей и журналистов Чехословакии, участником объединений «Далиборка», затем «Скит». Он публиковался в пражском журнале «Воля России»¹, а в 1930 г. в издательстве «Скит» вышла его первая книга – сборник рассказов «Суд Вареника». В рецензии на книгу критик Н. Андреев заметил, что Фёдоров «воспитался на крепких литературных традициях» [2]. О следующих книгах писателя – сборнике рассказов «Прекрасная Эсмеральда» (1933) и романе «Канареечное счастье» (1938) – писали Н. Эрн, П. Пильский, П. Бицилли, В. Ходасевич и Г. Адамович [см.: 1; 7; 15; 16; 25; 27].

В современном литературоведении В. Фёдоров известен прежде всего как автор, открывший полемику об эмигрантской литературе в варшавском журнале «Меч» [см.: 18; 23; 24], в которой участвовали Д. Мережковский, А. Бем, Д. Философов и др.² Однако творчество писателя изучено недостаточно.

В статье «Бесшумный расстрел: мысли об эмигрантской литературе» (Меч, 1934. № 9/10. С. 8–9) Фёдоров писал о причинах неблагополучия эмигрантской литературы и единственном, по его мнению, правильном пути для нее. Он утверждал, что русская литература в эмиграции может спастись «только постоянным духовным общением» [22, с. 456] с русскими классиками. Писатель реализовал эту идею в своей прозе: в ней значительно влияние Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского и других русских писателей, проявляющееся в сюжете, образах героев, некоторых мотивах. Но обращение к традиции не привело к подражанию: сюжеты и образы трансформировались и обретали новые смыслы.

---

¹ См.: Фёдоров В. Кузькина мать // Воля России. 1927. № 4. С. 45; Деревянный мир // Там же. 1927. № 10. С. 3; Микита скрипач // Там же. 1929. № 89. С. 3; Русские праздники // Там же. 1929. № 8–9. С. 13; Жизнь за ширмой // Там же. 1932. № 4–6. С. 103

² См.: Фёдоров В. Бесшумный расстрел: мысли об эмигрантской литературе // Меч. 1934. № 9/10. С. 8–9; Вебер Е.С. Знак равенства: о зарубежной литературе // Там же. 1934. № 11/12. С. 13–14; Мережковский Д.С. Около важного: О «Числах» // Там же. 1934. № 13/14. С. 3–5; Философов Д.В. Письма к неизвестным: В защиту «г. Фёдорова из Чехословакии» // Там же. 1934. № 13/14. С. 5–8; Бем А.Л. Свое и чужое // Там же. 1934. № 17/18. С. 5–7; Цуриков Н.А. При особом мнении: мысли читателя // Там же. 1934. № 17/18. С. 7–8; Мережковский Д.С. О хорошем вкусе и свободе // Там же. 1934. № 17/18. С. 4.

Эмигрантские критики писали о гоголевской традиции в первой книге Фёдорова «Суд Вареника» [1; 17; 27]. Все рассказы в ней объединены общим местом действия и героями – приднепровской деревней и ее жителями. Заметна связь рассказа «Кузькина мать» с гоголевскими «Вечерами на хуторе близ Диканьки». Современный ученый Ю.В. Манн отмечает в ней особое время действия (ярмарка, майская ночь и т.д.) «в которое отменяется принятый тип людских связей, возникает новый мир отношений <...>» [11, с. 14]. Это справедливо и для «Кузькиной матери»: действие происходит в Гражданскую войну, во время интервенции и крушения привычного уклада жизни.

Повествователь в рассказе не персонифицирован, но его речь отличается от речи персонажей. Манера повествователя отсылает к двум рассказчикам «Вечеров...»: Рудому Панько и паничу в гороховом кафтане – рассказчику «Сорочинской ярмарки» и «Майской ночи». И повествователь «Кузькиной матери» и Рудый Панько обращаются к читателю напрямую, обещают рассказать историю, говорят о себе в первом лице. Каждому свойственно обрывание себя и переход к дальнейшим событиям, что приближает речь к устной и ускоряет повествование:

«Прошлого года... Однако ж, что я в самом деле разболтался?...» [9, с. 107]

«И по-прежнему... Но здесь рассказ наш переносится в Грецию» [22, с. 149].

Но еще больше сходства с «гороховым паничем», смешивающим условно высокое и низкое. В речи героев много грубых, просторечных или неправильно используемых выражений, но с бытовыми сценами соседствуют возвышенные описания природы, где тон рассказчика становится пафосным. Появляется множество эпитетов: «упойтельный», «роскошный», «волшебный», а также риторические вопросы и короткие восклицательные предложения. Седьмая глава «Кузькиной матери» словно продолжает романтический пассаж о весенней ночи из повести «Майская ночь»:

«Знаете ли вы украинскую ночь? <...> Божественная ночь!» [9, с. 159]

«Еще не взошел месяц, не прободал золотым рогом зеленую небесную муть. <...> Прислушайся! <...> Днепровские ночи!» [22, с. 164]

Но за возвышенными описаниями идет резкий срыв в бытовое, и повествование продолжается сниженным стилем.

Повествователь в «Кузькиной матери» осознает себя внутри литературной традиции: «Сорочинская ярмарка» завершается сценой свадебного стовора и звуками музыки, и у повествователя возникает потребность объяснить читателю, что он хотел бы завершить рассказ так же. Принадлежность традиции подчеркивается и устаревшей формулой «ваш покорный слуга»: «Не случись войны, развернись по-иному события... А уж какую свадьбу мог бы изобразить ваш покорный слуга! С гармошкой, со скрипкой, с бубном» [22, с. 154].

Опыт революции и эмиграции объясняет и качественно иные описания природы: появляется интонация оторванности от родных мест. Они остались только в памяти, и это отражено соответствующей лексикой:

«Закроешь глаза – и в *памяти* (курсив мой. – К.Н.) <...> встают картины» [там же, с. 146].

«Эх, вечера над Днепром <...> *Помнишь?*» (курсив мой. – К.Н.) [там же, с. 164].

«Майская ночь...» появляется и в повести «Прекрасная Эсмеральда»: «За окном проходила ночь, такая же, как в школьной тетради, “Украинская ночь” – от сих пор и до этих. Божественная ночь...» [там же, с. 121]. Упоминание школьной тетради означает, что гоголевская повесть – общий для автора и читателя культурный багаж. «Божественная ночь» – прямая цитата из повести, но в «Майской ночи...» в конце предложения стоит восклицательный знак, в повести 1930-х – многоточие. У Гоголя за одним восклицанием идет другое: «Очаровательная ночь!», но Фёдоров этого не договаривает, – очарование ставится под сомнение, – на фоне пейзажа возникает тело повешенного. Общее место действия для произведений разных времен делает оппозицию тогда – сейчас особенно острой.

Рассказ «Кузькина мать» соотносится с повестью Гоголя «Нос», в которой реализуются фразеологизмы, связанные с носом (остаться с носом, не показывать нос и т.д.) В рассказе Фёдорова используется фразеологизм «показать кузькину мать». Греческих интервентов выбили из деревни – русские, согласно устойчивому выражению, показали грекам кузькину мать. При этом главная героиня, избившая полковника, называется не собственным име-

нем, а по сыну Кузьке. Таким образом, буквальный и фразеологический уровни выражения совпали: греческому полковнику Кузькина мать показала кузькину мать.

Наибольшее влияние на творчество Фёдорова оказала повесть Гоголя «Шинель». Эмигрантский писатель несколько раз обращался к образу Акакия Акакиевича. Например, отец героя повести «Финтифлюшки» имеет кроткий характер, принадлежит низшему слою чиновничества и с особой любовью относится к канцелярскому делу. После столкновения со «значительным лицом» он погибает. Отдельные черты есть и в герое рассказа «Деревянный мир». Но полнее всего этот образ разрабатывается в рассказе «Грибная история»: не только герой имеет черты Башмачкина, но и вся история с шинелью повторяется в новых условиях.

История начинается с неопределенности: как гоголевский рассказчик не хочет называть департамент, так и у Фёдорова место службы чиновника неясно: «Не то это был “Русский научный институт”, не то “Институт по изучению России”, не то “Канцелярия по изучению институтов вообще”, не то, наконец, “Русское общество бывших институток”» [22, с. 248].

Этот пассаж не только затуманивает место службы, но и своим комическим однообразием отчасти напоминает выбор имен для Башмачкина (Мокий, Сессий, Хоздазат, Трифилий, Дула, Варахасий, Варадат, Варух, Павсикахий, Вахтисий), которые вместе с именем Акакия Акакиевича, по Эйхенбауму, составляют «своеобразную артикуляционную мимику – звуковой жест» [26, с. 314]. Имя Климентия Осиповича Крутолобова в рассказе Фёдорова, хоть не столь редкое, тоже отличается особой «подобранностью» и содержит повторяющиеся звуки «к-л-о». Есть и противоречие смысловых корней фамилии «крутой лоб» с тихим характером и невзрачной фигурой героя (Башмачкин никогда не носил башмаков). Крутолобов и Башмачкин похожи и внешне. Акакий Акакиевич – рыжеват, рябоват, с большой лысиной, а Климентий Осипович «с воробьиным носиком и реденькими рыжими усами», а лицо у него «мелкое и плоское» [22, с. 248]. Еще одно сходство – любовь к канцелярскому делу, умение видеть в нем своего рода искусство. Акакий Акакиевич переписывает бумаги для своего удовольствия, а Крутолобов в кругу товарищей подшивает бумаги словно показывает фокусы: «Иной раз на пари или просто чтобы позабавить сослуживцев сошьет вместе речи наших

общественных деятелей да так ловко подгонит строчку к строчке, что и не разберешь, где кончается один и где начинается другой» [22, с. 249].

Но намного важнее способность героев к сильной страсти, скрытая до поры. В обоих случаях объект страсти – нечто приземленное. Крутолобов постоянно думает о грибах и даже видит их силуэт в обычных вещах.

Грибная тема делает тот же круг, что и тема шинели: сначала она – «светлый гость», затем приближает героя к окружающему его реальному миру – Акакий Акакиевич идет на вечер к сослуживцу, Крутолобов знакомится с женщиной, – а потом приводит героя к гибели.

Реалистичное повествование быстро переходит в гротеск. О том, что сам Гоголь подчеркивал эту странность, писал А. Слонимский: речь автора и героев наполнена словами «странный», «неправдоподобный», «чепуха» и прочими [20, с. 34]. Василий Фёдоров почти полностью повторяет слова Гоголя о фантастическом окончании истории Акакия Акакиевича: «Дальше история принимает неясные и расплывчатые формы» [22, с. 255].

Расплывчаты и странны свидетельства о призраке Акакия Акакиевича, так же неясны слухи о Крутолобове, наполняющие русскую колонию. Образы героев живут после исчезновения самих героев. Оставленное ими материальное имущество ничтожно: в обоих случаях оно сводится к бумаге (у Гоголя – «казенная», у Фёдорова – «служебная») и странному элементу одежды, описанному в начале (у Гоголя – «капот», у Фёдорова – «брюки со штрипками»).

Конечно, Крутолобов менее замкнут в своем особом мире, чем герой «Шинели»: у него есть товарищи, его возлюбленная – реальная женщина, его представления о красоте популярны. С одной стороны, он герой обыкновенного комического анекдота о незадачливом любовнике. С другой стороны, он «маленький человек», чья среда – бедная русская эмиграция, к тому же провинциальная, и эта среда отчасти формирует его личность и судьбу. Но опыт чтения «Шинели» позволяет распознать в Крутолобове черты Акакия Акакиевича и открывает третье измерение рассказа, которое Владимир Набоков в лекции о «Шинели» назвал обращением «к тем тайным глубинам человеческой души, где проходят тени других миров, как тени безымянных и беззвучных кораблей» [12, с. 117].

* * *

Влияние Гоголя на Достоевского общеизвестно. Это отмечалось и в прижизненной критике Достоевского, и затем подробно анализировалось в работах крупнейших русских исследователей, даже если иногда речь шла о «борьбе» [4; 8; 11; 21]. Поэтому многие сближения фёдоровских рассказов и произведений Достоевского 1840-х имеют своим истоком прозу Гоголя. Но в прозе Фёдорова присутствуют мотивы и сюжетные элементы, отсылающие непосредственно к Достоевскому.

В 1929 г. Фёдоров опубликовал в журнале «Воля России» рассказ «Русские праздники». Рассказ получил премию журнала, а потом вошел во вторую книгу автора. «Рассказ полковника Семёна Ипполитыча Недалёкого» (подзаголовок рассказа) – мог бы стать основой физиологического очерка: судьба героя типична для многих белых эмигрантов. Из Галлиполи (Турция), лагеря для остатков Белой армии, он переезжает в курортный город Сплит (Югославия), где начинает работать чистильщиком ботинок.

Фамилия героя отражает заметную читателю особенность: в его речи много алогичных умозаключений, бессвязных фраз, часто он теряет ход мысли и переспрашивает, о чем он говорил, – фамилия у него даже более говорящая, чем Девушкин или Добросёлова. Герой стар, нездоров и ведет однообразную, не очень счастливую жизнь. Множество деталей указывают на его близость главному герою романа «Бедные люди». Оба называют себя стариками, объясняют этим нежелание перемен и стремление к привычному, пусть и некомфортному образу жизни. Занятия героев внешне отличаются: Макар Девушкин – чиновник, Семён Недалёкий – чистильщик ботинок, но оба относятся к своему делу с любовью и даже гордятся своей искусностью. Фёдоров перемещает «маленького человека» из мира букв в мир ботинок. Но идея осталась прежняя – служба становится частью мировосприятия героя, он видит окружающее пространство иначе, чем другие люди: «Я теперь вообще людей по ногам угадываю» [22, с. 290].

Каждый герой чувствителен к литературе. Макар Девушкин, помимо произведений Пушкина и Гоголя, читает роман своего соседа Ратазьева и высоко его оценивает, но не за литературные ценности: «...невинно, без малейшего вольнодумства и либеральных мыслей. <...> Ратазьев прекрасного поведения и потому превосходный писатель» [10, с. 78]. Те же ценности: отсутствие

неправильных идей и достойную биографию отмечает и Семён Недалёкий в стихотворениях Надсона: «Хороший это поэт, прелестные у него есть вещички. А главное – ничего декадентского. К тому же и свой брат – офицер» [22, с. 285]. Как Макар Девушкин, герой «Русских праздников» имеет интерес к «слогу»: «Словом, выражаясь литературно, обуревали меня мысли» [там же, с. 284].

Присутствует и мотив природы как утешения. Макар писал Варю о воодушевляющем действии весны, а из письма Вари известна поездка на острова, где Макар призывал ее наслаждаться природой. Герой «Русских праздников» сам говорит о своей потребности покинуть город, когда нуждается в успокоении: «И как всегда это со мной случается в минуту тоски, потянуло меня вон из города» [там же, с. 292].

Однако важнее всего в рассказе, как и в романе «Бедные люди» – взаимоотношения и чувства главных героев. Однажды Семён Ипполитович знакомится с молодой русской девушкой Марией, и эта встреча становится для него «светлым праздником» [там же, с. 294]. Макар Девушкин называл Варю «ангельчик», Семён говорит «ангел мой». Подчеркивается именно отеческое чувство пожилого человека. Макар Девушкин пишет Варваре: «...Отеческая приязнь одушевляла меня...» [10, с. 37].

О том же говорит и Семён Марии:

– ...вы бы, бесспорно, могли быть моей дочкой [22, с. 291].

В исключительно отцовском чувстве Девушкина усомнился критик В. Белинский: «Нет, в чувстве Макара Алексеевича... есть что-то похожее на чувство любовника...» [5, с. 553]. Семён Ипполитович сам свидетельствует против себя: он убеждает читателя не в том, что любви нет, а в том, что ее не должно быть: «Вы не подумайте, пожалуйста, что это любовь. Смешно, знаете, обольщаться надеждами в шестьдесят лет...» [22, с. 293].

Но не возникает сомнений в чистоте намерений героев. Каждый видит в девушке родную душу, разделяющую его невзгоды. Название «Бедные люди» отражает общее для героев и низкое положение, и несчастливую судьбу. Фёдоров так же взял в название общее для двух героев, но самое светлое в их жизни, – их объединяет русский язык, русские традиции и праздники.

Мария и Варвара собираются отказаться от простой и чистой жизни ради материального достатка; каждая встречает поддержку своего друга, который лишь спустя время осознает последствия.

Макар Девушкин всячески помогает Варе при подготовке к свадьбе и только накануне ее отъезда восстает: «Ведь вас там в гроб сведут; они заморят вас там, ангельчик» [10, с. 113]. Семён Ипполитович сам убеждает Марию согласиться заработать тысячу динар за вечер, не понимая, о каком заработке идет речь. И так же в финале рассказа появляется мотив «заморенности», который связан с узнаванием героя правды: «Ни кровинки у ней в лице, и дышит тяжело, как будто ее за горло схватили. <...> И вдруг, как это ни странно, я понял все» [22, с. 298].

Хотя Мария не выходит поневоле замуж, но символ свадьбы – белое венчалное платье есть и в рассказе Фёдорова. Оно появляется в абсурдном, отделенном от женщины виде: на столе рядом с искусственной рукой и черным ящиком. Затем это соседство логически объясняется, но на героя оно производит удручающее впечатление: «Что-то такое, если так можно выразиться, погребальное было во всех этих предметах...» [там же, с. 285]. Будто случайно появилось свадебное платье и вызвало неожиданную ассоциацию у героя, но оно закрепляет мотив свадьбы как несчастья.

Сама же Мария пошла по другому пути. Она обеспечивает себя и может показаться высокомерной и грубой, но она так же несчастлива, как и многие героини Достоевского. Свое занятие она выбрала от невозможности иначе зарабатывать на жизнь – стыд и печаль Марии иллюстрирует короткий эпизод:

– Марья Ивановна! Вы, – говорю, – как светлый праздник. Чем мне вас отблагодарить?

Вздрыгнула она и даже отодвинулась от меня на край скамьи:

– <...> Прошу вас, не говорите так... [там же, с. 294].

Еще более выразительна сцена, в которой Мария целует руку полковнику. Это отсылает сразу к двум эпизодам из романа Достоевского «Идиот». Две «падшие» девушки в разное время готовы целовать руку князю Мышкину: больная Мари из швейцарской деревни и Настасья Филипповна.

Но в «Русских праздниках» есть одно важное отличие от упомянутых произведений Достоевского: в рассказе Фёдорова есть надежда! Хотя финал рассказа драматичен – герой «кое-как дотасил до постели» [там же, с. 298] упавшую без чувств девушку, повторное прочтение рассказа проясняет намеки, рассеянные по тексту. О дальнейшей дружбе героев не сказано прямо, но инто-

нация героя, обороты его речи, например «не видел *потом* (курсив мой. – К. Н.) у нее такой усмешки» [22, с. 297], «она вообще, как я *после* узнал (курсив мой. – К. Н.), задумывалась внезапно» [там же, с. 294] и т.д., показывают, что их дружба продолжалась, поддерживая обоих.

Даже узнавание правды не изменило уважения и симпатии Семёна к Марии. Он уже все знает, когда представляет читателю Марию, и все равно с восхищением говорит о ее особой грустной улыбке, переворачивающей душу. Этот мотив уважения и восхищения к «падшей» вновь вводит Семёна Недалёкого в контекст «Идиота». И тогда его фамилия принимает не комический, а возвышенный смысл.

Другой рассказ Фёдорова, который нужно отметить в связи с Достоевским, – «Роман с сапогами» (1926). Значение сапог как детали образа героя привлекало внимание исследователей и в контексте всей русской литературы 1840–1870-х годов, и в творчестве Достоевского [2; 14]. Т.А. Алпатова подмечает парадоксальность рассуждений героя «Бедных людей» о сапогах: он одновременно и восстает против приравнивания ценности личности к состоянию сапог, и сам же относится к сапогам не как к вещи, а как «продолжению собственного “я”» [2, с. 52]. Этот принцип «разрастания» детали и взят за основу рассказа «Роман с сапогами».

Рассказ состоит из пяти частей, в которых выстраивается биография героя – эмигранта, начинающего писателя, а также двух внесюжетных авторских отступлений в виде пролога и эпилога. Каждая часть – о боли и обиде, наносимых герою окружающими, но внимание искусственно переносится на сапоги. Фёдоров доводит до максимума «литературность» [14] этой детали. Разрыв между прямым значением детали – защиты ног и тем значением, которая она получает, подчеркивается еще и тем, что дважды сапоги действуют как просто слово, без связи с реальным предметом. Пятая глава рассказа содержит цитаты из романа, написанного рассказчиком: «Сапоги у него были поношенные, как старая, сморщенная пароходная труба» [22, с. 139]. Как видно, это все те же неприличные сапоги, которые были в центре внимания «натуральной школы» [14], при этом сам роман – романтический в популярном смысле этого слова. Связь сапог и литературы происходит и в обратном направлении: настоящий сапожник, описывая отличного мастера, говорит «ровно писатель какой, истинное слово!» [22, с. 139].

«Сапоги» все растут в своем значении. В финале они заменяют самого героя. Уходящему рассказчику в спину слышится:

– <...> Ведь сапог, Пимен Григорыч, а? <...>

– Не сапог, батенька, а целое сапожище, – сказал редактор [22, с. 139].

Но и этого было недостаточно: в заключительной части люди исчезают вовсе, – остаются *лишь* «миллионы сапог». Если Макар Девушкин призывал оглянуться, чтобы увидеть вещи важнее сапог, то герой фёдоровского рассказа (оставшийся безымянным) призывает убедиться, что вокруг есть только сапоги: «Любезный читатель! <...> Ляжем прямо на землю. <...> Но ведь миллионы сапог вокруг!» [там же, с. 135].

Герой Фёдорова также упоминает греческих философов, ходивших босиком, и фактически приходит к заключению Девушкина «все мы сапожники». Он не возражает против этических ценностей, но отказывается заблуждаться насчет реального положения дел. Герой точно передает свои прошлые состояния и испытанную боль, но пролог и эпилог показывают, что герой не чувствует к себе жалости. Он, как и Макар Девушкин, воспринимает мир как социум, который «жесток и равнодушен к отдельной личности» [2, с. 52]. Но в ответ герой «опредмечивает» мир: если мир приравнивает человека к сапогам, причиняя ему боль, то теперь герой платит миру тем же.

* * *

Творчество Василия Фёдорова связано с русской литературой намного шире, чем отражено в статье. В его прозе есть переключки с «Записками охотника» И.С. Тургенева, аллюзии на стихотворения А.С. Пушкина, Г.Р. Державина, А.К. Толстого, упоминания А.И. Герцена, Л.Н. Толстого, В.Г. Короленко и др. Сознательная ориентация Фёдорова на русскую литературу очевидна, но ее образы трансформируются, наполняются смыслами, обусловленными уникальным опытом первого поколения эмиграции. Каждое произведение представляет собой историю из эмигрантского быта, но прочная связь с русской литературой расширяет смыслы до всей русской жизни, а через нее и до общечеловеческих ценностей.

Список литературы

1. *Адамович Г.* Фёдоров В. Канареечное счастье. Ч. I. Ужгород, 1938 // Последние новости. 1938. № 6165 (10 февр.). С. 3.
2. *Алпатов Т.А.* Сапоги Достоевского: художественная деталь в онтологии писателя // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 5. С. 49–58. DOI: 10.18384/2310-7278-2022-5-49-58
3. *Андреев Н.* [Андреев Н.] Василий Фёдоров. Суд Вареника. Рассказы. Прага: Скит, 1930 // Числа. 1931. № 5. С. 238.
4. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского // *Бахтин М.М.* Собрание сочинений: [в 6(7) т.]. Т. 6. М.: Русские словари; Языки славянских культур, 2002. С. 6–300.
5. *Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений: в 13 т. / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); редкол.: Н.Ф. Бельчиков (гл. ред.) и др. Т. 9. Статьи и рецензии. 1845–1846 / подгот. текста и коммент. В.С. Спиридонова, Ф.Я. Приимы; ред. В.А. Десницкий. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 804 с.
6. *Бергсон А.* Смех / предисл. и примеч. И.С. Вдовина. М.: Искусство, 1992. 127 с.
7. *Бицилли П.* Фёдоров В. Канареечное счастье. Ч. I. Ужгород, 1938 // Современные записки. 1938. № 66. С. 454–456.
8. *Виноградов В.В.* Эволюция русского натурализма: Гоголь и Достоевский / Государственный институт истории искусств. Л.: Academia, 1929. 390 с.
9. *Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений / гл. ред. Н.Л. Мещеряков. Т. 1. Ганц Кюхельгартен; Вечера на хуторе близ Диканьки / ред. М.К. Клеман. М.: Изд-во АН СССР, 1940. 556 с.
10. *Достоевский Ф.М.* Бедные люди // *Достоевский Ф.М.* Собрание сочинений: в 15 т. Т. 1. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1988. 463 с.
11. *Манн Ю.В.* Поэтика Гоголя. М.: Художественная литература, 1988. 413 с.
12. *Набоков В.В.* Лекции по русской литературе / пер. с англ. С. Антонова, Е. Гольшевой, Г. Дашевского и др. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. 480 с.
13. *Нечаев В.П.* В поисках минувшего: из жизни русского зарубежья: очерки, беседы, документы / автор-составитель В.П. Нечаев. М.: Книжница; Русский путь, 2011. 592 с.
14. *Печерская Т.И.* Предмет как сюжетный маркер: сапоги в русской литературе 1840–1870-х годов // Сибирский филологический журнал. 2014. № 3. С. 86–93.
15. *Пильский П.П.* Но смех уже не тот. Новая книга Вас. Фёдорова «Прекрасная Эсмеральда» // Сегодня. 1933. № 111 (22 апр.). С. 8.
16. *Пильский П.П.* Погасающие огни // Сегодня. 1938. № 29 (29 янв.). С. 3.

17. Постников С.П. О молодой эмигрантской литературе // Воля России. 1927. № 5–6. С. 225.
18. Протопопова А.В., Протопопов И.А. Дискуссия о русской эмигрантской литературе в журнале «Меч» и вокруг него // *Studia Litterarum*. 2023. Т. 8. № 4. С. 222–249. URL: <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-4-222-249> (дата обращения: 18.03.2025).
19. Слоним М.Л. Молодые писатели за рубежом // Воля России. 1929. № 10/11. С. 100–118.
20. Слонимский А.Л. Техника комического у Гоголя. Петроград: Academia, 1923. 65 с.
21. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. 578 с.
22. Фёдоров В.Г. Канареечное счастье / сост., примеч. В.П. Нечаева. М.: Московский рабочий, 1990. 479 с.
23. Федякин С.П. Кризис художественного сознания и его отражение в критике русского зарубежья // Классика и современность в литературной критике русского зарубежья 20–30-х годов. 2004. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/krizis-hudozhestvennogo-soznaniya-i-ego-otrazhenie-v-kritike-russkogo-zarubezhya> (дата обращения: 18.03.2025).
24. Федякин С.П. Полемика о молодом поколении в контексте литературы Русского Зарубежья // Русское Зарубежье: приглашение к диалогу: сб. науч. тр. / отв. ред. Л.В. Сыроватко. Калининград: Изд-во КГУ, 2004. С. 19–28.
25. Ходасевич В.Ф. Канареечное счастье // Возрождение. 1938. № 4122 (11 марта). С. 9.
26. Эйхенбаум Б. Как сделана «Шинель» Гоголя // Эйхенбаум Б. О прозе: сб. ст. / сост. и подгот. текста И. Ямпольского. Л.: Художественная литература, Ленинградское отделение, 1969. С. 306–326.
27. Эрн Н. Прекрасная Эсмеральда // Последние новости. 1933. № 4418 (27 апр.). С. 3.

References

1. Adamovich, G. “Fedorov V. Kanareechnoe schast’е. Ch. I. Uzhgorod, 1938” [“Fedorov V. Canary Happiness. P. 1. Uzhgorod, 1938”]. *Poslednie novosti*, no. 6165, February 10, 1938, p. 3. (In Russ.)
2. Alpatova, T.A. “Sapogi Dostoevskogo: khudozhestvennaya detal’ v ontologii pisatelya” [“Dostoyevsky’s Boots: Artistic Detail in the Writer’s Ontology”]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya*, no. 5, 2022, pp. 49–58. (In Russ.) DOI: 10.18384/2310-7278-2022-5-49-58

3. Andreev, N. [Andreev N.] “Vasilii Fedorov. Sud Varenika. Rasskazy. – Praga: Skit, 1930” [“Vasily Fedorov. Trial of Varenik. Short stories. – Prague, Skit, 1930”]. *Chisla*, no. 5, 1931, p. 238. (In Russ.)
4. Bakhtin, M.M. “Problemy poetiki Dostoevskogo” [“Problems of Dostoevsky’s Poetics”]. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]: in 6(7) vols. Vol. 6. Moscow, Russkie slovari Publ., Yazyki slavyanskikh kul’tur Publ., 2002, pp. 6–300. (In Russ.)
5. Belinskii, V.G. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works]: in 13 vols, ed. N.F. Bel’chikov et al. Vol. 9. *Stat’i i retsenzii* [Articles and Review], 1845–1846, text prep. and comm. V.S. Spiridonov, F. Ya. Priima; ed. V.A. Desnitskii. Moscow, Izdatel’stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1955, 804 p. (In Russ.)
6. Bergson, A. *Smekh* [Laughter], introd., notes by I.S. Vdovin. Moscow, Iskusstvo Publ., 1992, 127 p. (In Russ.)
7. Bitsilli, P. “Fedorov V. Kanareechnoe schast’e. Ch. I. Uzhgorod, 1938” [“Fedorov V. Canary Happiness. P. 1. Uzhgorod, 1938”]. *Sovremennye zapiski*, no. 66, 1938, pp. 454–456. (In Russ.)
8. Vinogradov, V.V. *Ehvolutsiya russkogo naturalizma: Gogol’ i Dostoevskii* [The Evolution of Russian Naturalism: Gogol and Dostoevsky]. Gosudarstvennyi institut istorii iskusstv. Leningrad, Academia Publ., 1929, 390 p. (In Russ.)
9. Gogol’, N.V. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works], ed. N.L. Meshcheryakov. Vol. 1. *Gants Kiukhel’garten; Vechera na khutore bliz Dikan’ki* [Hans Küchelgarten; Evenings on a Farm near Dikanka], ed. M.K. Kleman. Moscow, Izdatel’stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1940, 556 p. (In Russ.)
10. Dostoevskii, F.M. “Bednye lyudi” [“Poor Folk”]. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]: in 15 vols. Vol. 1. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie Publ., 1988, 463 p. (In Russ.)
11. Mann, Yu. V. *Poetika Gogolya* [The Poetics of Gogol]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1988, 413 p. (In Russ.)
12. Nabokov, V.V. *Lektsii po russkoi literature* [Lectures on Russian Literature], transl. from English by S. Antonov, E. Golysheva, G. Dashevskii and others. St Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus Publ., 2022, 480 p. (In Russ.)
13. Nechaev, V.P. *V poiskakh minuvshogo: iz zhizni russkogo zarubezh’ya: ocherki, besedy, dokumenty* [In Search of the Past: the Life of The Russian Diaspora: Essays, Conversations and Documents], comp. V.P. Nechaev. Moscow, Knizhnitsa, Russkii put’ Publ., 2011, 592 p. (In Russ.)
14. Pecherskaya, T.I. “Predmet kak syuzhetnyi marker: sapogi v russkoi literature 1840–1870-kh godov” [“Object as a Plot Marker: Shoe story in Russian Literature of the 1840–1870s”]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, no. 3, 2014, pp. 86–93. (In Russ.)

15. Pil'skii, P.P. "No smekh uzhe ne tot. Novaya kniga Vas. Fedorova 'Prekrasnaya Ehsmeral'da'" ["But The Laughter is Not the Same Anymore. Fedorov's New Book *Beautiful Esmeralda*"]. *Segodnya*, no. 111, April 22, 1933, p. 8. (In Russ.)
16. Pil'skii, P.P. "Pogasayushchie ogni" ["Fading Lights"]. *Segodnya*, no. 29, January 29, 1938, p. 3. (In Russ.)
17. Postnikov, S.P. "O molodoi eh migrantskoi literature" ["About Young Emigrant Literature"]. *Volya Rossii*, no. 5–6, 1927, p. 225. (In Russ.)
18. Protopopova, A.V., Protopopov, I.A. "Diskussiia o russkoi eh migrantskoi literature v zhurnale 'Mech' i vokrug nego" ["Discussion on Russian Émigré Literature in the 'Mech' Journal and Around It"]. *Studia Litterarum*, vol. 8, no. 4, 2023, pp. 222–249. Available at: <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-4-222-249> (date of access: 18.03.2025). (In Russ.)
19. Slonim, M.L. "Molodye pisateli za rubezhom" ["Young Writers Abroad"]. *Volya Rossii*, no. 10/11, 1929, pp. 100–118. (In Russ.)
20. Slonimskii, A.L. *Tekhnika komicheskogo u Gogolya* [*The Technique of the Comic in Gogo*]. Petrograd, Academia Publ., 1923, 65 p. (In Russ.)
21. Tynyanov, Yu. N. *Poehitika. Istoriya literatury. Kino* [*Poetics. The History of Literature. Cinema*]. Moscow, Nauka Publ., 1977, 578 p. (In Russ.)
22. Fedorov, V.G. *Kanarechnoe schast'e* [*Canary Happiness*], ed., notes V.P. Nechaev. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1990, 479 p. (In Russ.)
23. Fedyakin, S.R. "Krizis khudozhestvennogo soznaniia i ego otrazhenie v kritike russkogo zarubezh'ia" ["The Crisis of Artistic Consciousness and Its Reflection in the Criticism of the Russian Diaspora Abroad"]. *Klassika i sovremennost' v literaturnoi kritike russkogo zarubezh'ia 20–30-kh godov* [*Classics and Modernity in Literary Criticism of the Russian Diaspora in the 20s and 30s*], no. 1, 2004. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/krizis-hudozhestvennogo-soznaniia-i-ego-otrazhenie-v-kritike-russkogo-zarubezhia> (date of access: 18.03.2025). (In Russ.)
24. Fedyakin, S.R. "Polemika o molodom pokolenii v kontekste literatury Russkogo Zarubezh'ia" ["Polemics on the Young Generation in the Context of Russian Abroad Literature"]. In: *Russkoe Zarubezh'e: priglasenie k dialogu* [*Russian Abroad: An Invitation to a Dialogue*], ed. L.V. Syrovatko. Kaliningrad, Kaliningrad State University Publ., 2004, pp. 19–28. (In Russ.)
25. Khodasevich, V.F. "Kanarechnoe schast'e" ["Canary Happiness"]. *Vozrozhdenie*, no. 4122, March 11, 1938, p. 9. (In Russ.)
26. Ehikhenbaum, B. "Kak sdelana *Shinel'* Gogolya" ["How Gogol's *Overcoat* Was Made"]. *O proze: sb. st.* [*About Prose: Collection of Articles*], ed., text prep. I. Yampol'skii. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura, Leningradskoe otdelenie Publ., 1969, pp. 306–326. (In Russ.)
27. Ehrn, N. "Prekrasnaya Ehsmeral'da" ["Beautiful Esmeralda"]. *Poslednie novosti*, no. 4418, April 27, 1933, p. 3. (In Russ.)